

Kenworthy, Scott M. The heart of Russia: Trinity-Sergius, monasticism and society after 1825. Oxford university press, N.Y., 2010. 537 pp. 14 tabl., 26 illus. ISBN 978-0-19-973613-3.

Монография американского историка С.М.Кенуорфи не только представляет собой анализ экономической, социальной, культурной, духовной составляющих жизни Троице-Сергиевой Лавры, но также дает широкую характеристику монастырского возрождения XIX в. в Российской империи и судеб монашества после 1917 года.

Книга Кенуорфи состоит из введения, восьми глав и заключения. Главной проблемой, которая интересует автора, является расцвет монашества в условиях модернизации общества. Он задается вопросом, каким образом возможен был расцвет монастырской культуры при общей секуляризации в государстве, являются ли монашество и современный секулярный образ жизни противоположными, антагонистичными, или же они существуют одновременно и развиваются параллельно.

Введение

Во введении автор подчеркивает, что жизнь монаха в православной традиции - это не изоляция от мира, а служение другим через смирение и отречение от себя самого. Далее он обосновывает выбор своей темы. Он пишет, что о Троице-Сергиевой Лавре в указанный период сохранилось большое количество источников, кроме того, это был очень знаменитый, почитаемый и посещаемый монастырь. С.Кенуорфи справедливо замечает, что роль монашества и Троице-Сергиевой Лавры невозможно понять без обращения к развитию православного и русского монашества в предшествующее время. Поэтому он вкратце приводит основные вехи развития православного монашества, особо выделяя исихастское возрождение XIV в., которое охватило весь православный мир, в том числе и Россию, споры иосифлян и нестяжателей, секуляризацию монастырских имуществ при Екатерине II и первые признаки монастырского возрождения в конце XVIII - начале XIX в. Автор указывает на то, что количество мужских монастырей росло в России особенно активно в 1830–1840-е гг., а потом с 1870-х вплоть до начала Первой мировой войны, количество же женских обителей - с 1880-х по 1914 г. Автор проводит параллели между "феминизацией" монашества в России и расцветом женских монашеских орденов в католических странах в это же время.

В первой главе своего исследования С.Кенуорфи говорит о вкладе митрополита Филарета (Дроздова) в развитие Троице-Сергиевой Лавры и о роли в этом процессе наместника Лавры архимандрита Антония (Медведева). Автор пишет, что оба эти человека были не только талантливыми организаторами, но и сторонниками созерцательного монашества, исихастской духовности. Именно из любви к уединению и молитве архимандрит Антоний основал Гефсиманский скит при Троице-Сергиевой Лавре. Однако исследователь не обходит вниманием и благотворительную деятельность, которую активно развернул этот наместник Лавры: основание богадельни, школы, приюта. Автор приходит к выводу, что впоследствии наместники Лавры с большим или меньшим успехом шли по пути, намеченному архимандритом Антонием.

Вторая глава посвящена истории Гефсиманского скита. Автор начинает с истории возрождения практики умного делания и стяжания безмолвия Паисием (Величковским), а также говорит о том, что представителем той же традиции был Серафим Саровский, чье

влияние испытал на себе архимандрит Антоний (Медведев). Он подчеркивает, что Серафим Саровский был также ключевой фигурой в возрождении старчества. Автор делает вывод, что на примере Гефсиманского скита можно проследить характерные черты монашеского возрождения XIX в. Американский исследователь пишет об истории Гефсиманского скита, о роли старца Варнавы (Меркулова), на примере судьбы которого он показывает неоднозначное отношение к старчеству у церковных властей того времени. Автор согласен с широко распространенным мнением, что приходское духовенство не способно было ответить на духовные запросы значительной части населения, поэтому растет популярность старцев, которые не были связаны с "официальной" синодальной системой, но обладали духовным опытом и, как верили люди, особой благодатью от Бога.

Третья глава рассказывает о социальном составе насельников Троице-Сергиевой Лавры и о его изменениях на протяжении второй половины XIX в. По подсчетам автора получается, что в 1846-1855 гг. большинство происходило из духовного сословия, в 1860-1865 гг. сокращалось число представителей от духовенства, росло - от крестьян, в 1877-1886 гг. увеличивается социальное разнообразие, растет число выходцев из различных социальных групп, и, наконец, 1905-1914 гг. - абсолютное преобладание выходцев из крестьянской среды. Географически насельники происходили, что совершенно логично, в основном из епархий центральной России, из Москвы, Черноземья, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, дальше шли Украина, Урал, никого не было из Сибири. Относительно возраста послушников автор констатирует, что он был около 20-30 лет, а постригали в основном после 30. Причем 83,7% из всех насельников никогда не были женаты, 15,1% были вдовцами и совсем маленькую группу составляли разведенные. Подавляющее большинство насельников Троице-Сергиевой Лавры были грамотны, кроме того, существовала практика обучения грамоте послушников. Таким образом, автор показывает, что монашество примиряло и объединяло людей разных социальных слоев, разного возраста и уровня образования. Он считает, что именно эта способность монашества делала его столь востребованным и популярным в процессе модернизации российского общества. Автор также указывает на парадокс, состоявший в том, что идеалы монашества - послушание, смирение, отсечение собственной воли - были противоположны развивавшимся концепциям личности, индивидуализму, но тем не менее монашество расцвело именно в это время. Далее автор говорит о традиции старчества и умного делания. Сама Троице-Сергиева Лавра не была центром безмолвия и умной молитвы, но были лаврские скиты и Зосимова пустынь. Поэтому хотя немногие монахи из Лавры были теоретиками умного делания, среди них особо выделяется старец Герман (Гомзин).

В четвертой главе С.Кенуорфи обращается к исследованию паломничества в Лавру и почитания мощей. Он справедливо замечает, что история паломничества стала привлекать внимание историков в связи с изучением народной религиозности. А ведь это был, по мнению автора, самый важный путь связи монастыря и общества, "мира". Паломничества также играли важную роль в экономике монастыря. Автор вычислил, что самый большой доход приносила продажа свечей, потом - просфор, а затем различных сувениров для паломников. Но и монастырь тратил свои средства на прием паломников, их размещение. Обращаясь к исследованию почитания мощей св. Сергия Радонежского, С.Кенуорфи выявляет 60 исцелений, причем половина из исцелившихся - мужчины, половина - женщины, происходившие из разных социальных слоев и различных географических районов. Люди верили, что святой может быть их помощником и защитником, а непочтение к нему может быть наказуемо. Автор делает немаловажный в контексте всего исследования вывод, что возрождение паломничества, веры в чудеса, почитания мощей не было реакцией на общую модернизацию общества. Велика была роль монастыря в народной религиозности, что очень хорошо осознали большевики.

В следующей главе своего исследования С.Кенуорфи обращается к изучению монастырской жизни в начале XX в. Он указывает на противоречия, ярко проявившиеся в это время: расцвет одних обителей и проблемы с дисциплиной и организацией в других. Эти проблемные моменты и обсуждались на съездах монашествующих. Причем автор замечает, что положение дел в самой Лавре, Гефсиманском скиту, Параклитовой и Зосимовой пустынях было оценено позитивно. Отзывы от других же монастырей были разнообразны, поэтому Синод сделал общий вывод об упадке монашества. В это время разгорелись споры о назначении монашества: должно ли оно быть созерцательным или активно служить миру. Автор выделяет в этих спорах ключевую фигуру Никона (Рождественского), который утверждал, что монастыри активно служат миру, удовлетворяя в первую очередь духовные потребности народа. Автор указывает на решения, которые были приняты на съездах монашествующих: расширение принципов общежития в монастырях, выборность настоятелей, развитие старчества. Далее он обращается к фигурам знаменитых старцев Зосимовой пустыни - Алексия (Соловьева) и Германа (Гомзина), подробно разбирая конфликт, в результате которого последний был переведен в Махрицкий монастырь (благодаря заступничеству, в частности, великой княгини Елизаветы Федоровны через некоторое время он вернулся в Зосимову пустынь). Кенуорфи делает вывод, что этот конфликт ярко иллюстрирует противоречия монастырской жизни в Российской империи в конце XIX - начале XX в.: расцвет с одной стороны и серьезные проблемы с другой, когда, например, слава и известность монастыря и старцев порождали соблазн и зависть.

В шестой главе своей монографии автор говорит о монашестве накануне революции 1917 года. Автор вполне обоснованно утверждает, что монастыри в XIX - начале XX в. не были активно вовлечены в политику, однако они с трудом могли сохранять нейтралитет в условиях революции, когда участились случаи нападений, грабежей и захвата монастырских земель. С.Кенуорфи указывает на немаловажный факт, что Троице-Сергиева Лавра никогда напрямую не связывала себя с какими-либо монархическими группировками, хотя, например, Никон (Рождественский) был консерватором и монархистом. С началом Первой мировой войны ситуация еще более обострилась. Однако автор подчеркивает, что даже больше, чем война, монахов интересовали вопросы внутрицерковной жизни, в первую очередь конфликт вокруг Григория Распутина. В революцию 1917 г. монастыри испытали на себе все тяготы смутного времени. Автор делает вывод, что консервативная позиция монастырей была обусловлена условиями, в которые они были поставлены: нападения, грабежи, захват монастырской собственности. Однако позиция Лавры, как и других монастырей, ничего общего не имела с черносотенными монархическими организациями, т.к. монахи (например, Никон (Рождественский)) призывали прежде всего к следованию христианским заповедям и примирению.

Седьмая глава посвящена положению Троице-Сергиевой Лавры в 1917-1921 гг. Автор показывает, как общая политика большевиков по наступлению на православную веру отразилась на монастырях: происходили массовые конфискации монастырских земель и зданий. 11 апреля 1919 г. было произведено вскрытие мощей преп. Сергия Радонежского, а 10 ноября было принято решение о закрытии Лавры. Однако даже власть была вынуждена признать, что почитание мощей св. Сергия в народе никак не пострадало, в частности народным возмущением сопровождалось решение об их перемещении, поэтому они так и остались в Троицком соборе (потом их сделали частью антирелигиозной выставки).

В последней главе своей книги С.Кенуорфи исследует непростые и трагические годы - 1921-1938. Он рассказывает о терроре, который коснулся и монашествующих Троице-Сергиевой Лавры. Он пишет о том, что Зосимова пустынь была окончательно закрыта в

1923 г., а Гефсиманский скит и Параклитова пустынь продолжали существовать до второй половины 1920-х гг. При этом в городе Сергиеве (так он назывался с 1919 г., в 1930 г. переименован в Загорск) наблюдалась большая концентрация т.н. "бывших людей", прежде всего монашествующих. Автор приводит немаловажную параллель: то же происходило и в Козельске рядом с закрытой Оптиной пустынью. 1928-1938 гг. - уже новый этап, когда начинают активно проводиться политические процессы, например, арестованы люди, связанные с музеем Троице-Сергиевой Лавры. Происходили массовые расстрелы монашествующих. Автор подтверждает точку зрения, что "великий террор" 1937-1938 гг. имел своей целью прежде всего Церковь и верующих. Несмотря на всю жестокость, эта попытка провалилась, как считает автор, благодаря потрясающей духовной силе этих людей.

В заключении С.Кенуорфи рассказывает о возрождении Троице-Сергиевой Лавры, которая была вновь открыта в 1946 г. Большинство из монахов, пришедших во вновь открытый монастырь, были пострижены по меньшей мере в 1920-е гг. и вернулись из ссылки. Как и в XIX в., стали приходить многочисленные паломники, однако это длилось недолго: с 1946 по 1948 год. Хрущевская же антирелигиозная кампания покончила с относительной свободой Троице-Сергиевой Лавры. В постсоветское уже время была открыта Зосимова пустынь (1993), канонизированы митрополит Филарет (Дроздов), старцы Алексей и Варнава, а также связанные с Лаврой новомученики.

Историк делает вывод, что возрождение монашества и Православия вообще в России нельзя рассматривать в отрыве от исторических событий - общего подъема после 1812 г. и интереса ко всему "русскому", национальному, который ярко проявился после победы над Наполеоном. Как уже было сказано выше, большую роль он признает и за аскетическим возрождением, связанным с деятельностью Паисия (Величковского). Плюс нельзя игнорировать роль таких личностей, как Филарет (Дроздов) и Антоний (Медведев). С.Кенуорфи подчеркивает, что хотя опыт Троице-Сергиевой Лавры и был во многом уникальным, он вполне репрезентативен для изучения истории монашеского возрождения XIX в. во всем его разнообразии, также как и трагедии XX века.

Следует отметить, что работа С.Кенуорфи отличается многими достоинствами. Она написана интересно, красочно и при этом аргументированно с привлечением большого количества источников. Автор привлекает разные типы источников (личного происхождения, статистические, правовые документы и т.д.). Этот факт, так же как и широкая постановка проблемы, позволяют автору построить свою монографию не просто как историю одного монастыря, но как исследование судеб монашества в его связи с государством и обществом в XIX-XX вв.

Н.С.Таканова, аспирантка кафедры истории Церкви